

Глава 31. Великий бессмертный Мосю

— Ну-ка живо сюда!

— А-а-а-о-о-о!

Белый полупрозрачный призрак с явным нежеланием втянулся в тыквенную бутылку. Крышка глухо хлопнула, запечатывая его внутри.

— Будешь знать, как людей пугать!

Мальчик лет семи-восьми, в красном кафтанчике с тёмным узором и белым меховым кантом, с двумя маленькими пучками-рожками на макушке, несся вприпрыжку — пухлые щёки надуты, кулачки сжаты. Глядя на него, каждый непременно испытывал острое желание хорошенько ущипнуть его за эти розовые щёчки. Злобно сверля взглядом запечатанную тыкву, мальчик тянулся к ней изо всех сил, подпрыгивая — росту не хватало, — пытаясь вырвать её из рук старца.

Тот опирался на тонкую бамбуковую трость. На трости развевалось полотнище со словами: «Великий бессмертный Куньлуня, Даос Мосю».

— Премного благодарен, господин даос, премного! — Тучный домовладелец семенил следом, протягивая кошель обеими руками.

Даос сощурился, неторопливо поглаживая бороду, на кошель даже не взглянул.

— Золото и серебро — прах мирской суеты, и нищему даосу они без надобности. Однако раз уж вы настаиваете... — он выдержал многозначительную паузу, —...то придётся мне скрепя сердце принять ваш дар и обратить его на благие дела.

— Истинная мудрость, господин даос, истинная мудрость!

— Что ж, раз всё завершено — откланяюсь. Встречи и расставания предначертаны судьбой, и четыре стихии суть пустота.

Под восхищённым взглядом тучного хозяина старец подхватил маленького спутника и вознёсся прочь на журавле. Воздух ещё долго хранил отзвук последних слов — «...суть пустота...»

— Чудо, чудо небесное! — Домовладелец рухнул на колени и принялся отбивать поклоны.

На спине журавля мальчик недовольно проворчал:

— «Четыре стихии суть пустота» — это же буддийское, ты понимаешь вообще? Это не твоё!

— Ну и что? Занял ненадолго. — Старец внезапно распахнул глаза, засучил рукава и извлёк из-за пазухи плоский бурдюк с вином. — Когда бессмертный уходит, ему нужно произнести что-нибудь возвышенное — иначе кто поверит?

— Отпусти Лянь-эр! — потребовал мальчик, не сводя взгляда с тыквы.

Даос снял крышку. Аромат лотоса разлился по воздуху, и крошечная цветочная фея — с ладошку величиной — метнулась наружу и тут же угнездилась на плече мальчика. На её белом полупрозрачном личике было написано неподдельное горе.

— Сяо Бай, — обратился к мальчику старец, направляя журавля вниз, к уединённому дворику за городской чертой, — пирожные из гуйхуа, которые ты так любишь, стоят недёшево. А лучшие — те, что у лавки на восточной улице, — и вовсе влетают в копеечку. Чем нам иначе жить?

Журавль коснулся земли. Старец достал из рукава талисман — и птица рассыпалась хлопком, сложившись обратно в бумажный лист. Тот удовлетворённо спрятал его за пазуху.

— Лянь-эр говорит, что не хочет обманывать людей и устраивать в их домах беспорядок, — мальчик опять надул щёки. Старец засмеялся и от души ущипнул его за пухлую щёку. Мальчик вырвался: — А ну быстро принимай настоящий облик! Узнает Учитель Хуан, что ты опять людей обманывал, — не поздоровится.

— Так я же и впрямь демона изгнал.

— Ага, изгнал! Сначала разведал, что хозяин богатый. Потом подослал Лянь-эр мутить воду в его доме. А сам явился фальшивым даосом — «изгонять нечисть». И деньги выманил.

Мальчик нарочно повысил голос. И тут же с небес грянул рёв, от которого старца едва не хватил удар:

— Негодный ученик! А ну живо заходи!

Старца передёрнуло с головы до ног. Пальцы метнулись в сложный знак — и вокруг него взвился клуб белёсого дыма, пронизанного вспышками белого света. Мгновение — и дым рассеялся. Сгорбленного старца будто и не было.

Вместо него стоял молодой человек редкостной внешности. Он потрепал мальчика по голове и улыбнулся. В янтарных глазах плескался золотистый свет; на краю щеки чуть угадывалась ямочка — трогательная, почти детская. Он взял мальчика за руку и повёл в дом.

За годы непрерывных упражнений с мечом подушечки его пальцев огрубели, покрылись мозолями — держать такую руку было не очень-то мягко. Но мальчик давно привык к этому прикосновению.

Он украдкой поглядывал снизу вверх на своего спутника. Тот заметно изменился с тех пор, как вернулся к учителю: не было ни дня, чтобы он не занимался. Тёмная кожа, казалось, выцвела — стала почти прозрачной, белой; краски в глазах тоже поблекли, зато черты лица сделались острее и тоньше. Когда он не улыбался, в нём и правда чувствовалось что-то от просветлённого бессмертного.

«Только вот дурацкий характер, видимо, уже не исправить никогда», — решил мальчик.

— Учитель Хуан, я вернулся! — произнёс молодой человек, входя в комнату.

— Снова людей обманывал? — Голос Учителя Хуана немедленно взлетел на восемь тонов.

— Ученик занимался изгнанием нечисти, — невозмутимо ответил тот.

— Бай У! — Учитель обратился к мальчику.

— Это он подослал Лянь-эр к тем людям, а потом запер её в тылке, — не моргнув глазом доложил Бай У. Крошечная фея у него на плече скорбно кивнула.

— Давай сюда.

— Учитель Хуан, вы больше не должны играть в кости — мы даже за жильё заплатить не можем.

— Но это же единственная маленькая слабость твоего несчастного учителя.

Мо Ханьчи смотрел на учителя, выглядевшего почти ровесником, и молчал. Хуан время от времени притворялся дряхлым стариком — но сколько ему на самом деле лет, никто не знал. Сотни? А лицо — ни единой морщины.

Молодой человек неторопливо снял с пояса туго набитый кошель и медленно, обеими руками, протянул его учителю — с таким видом, будто отдавал часть собственной жизни.

— Учитель, тратьте поэкономнее.

— Нет нужды. — Учитель Хуан усмехнулся. — Как раз подвернулось дельце, где можно хорошо заработать. Ханьчи, хороший мальчик, твой учитель знал: ты не дашь ему сгинуть в нищете.

— Говорите уже прямо, в чём дело. — Мо Ханьчи давно понял: помимо редких свитков с техниками, которые учитель иногда небрежно бросал ему для изучения, в остальном он был для Хуана одновременно и кулаком, и слугой, и кошельком, и поваром. Не хватало только прямого приказа: «Ханьчи, вперёд». Потому-то Мо Ханьчи и приходилось тайком промышлять самому — иначе всей «семье» было бы нечего есть. Да и то всё равно регулярно обирали вот так.

— Сказочная страна Пурпурной Микрозии вывесила императорский указ, — объявил Учитель Хуан, прихлёбывая чай. — Щедрая награда за уничтожение демонов, терроризирующих юго-западные земли. — Он поморщился и с шумом выплюнул глоток. — Что за помои! Ханьчи, другой чай.

— Потерпите. Нет уж, это не для нас. В Небесном Лазурном Облаке сколько людей — и все без дела сидят? Да и в Куньлуне сейчас появились серьёзные бойцы — говорят, подряд нескольких демонических военачальников уложили. Куда нам соваться.

— Демон непрост, раз сам Куньлунь, пять лет державший закрытые врата, теперь послал учеников именно за ним. И потом — никто тебя из Куньлуна не изгонял. Просто боишься встречи, боишься, что скажут: слаб?

— Вот ещё, чего мне бояться. Раз надо — пойду. Небось, не тот мертвец туда явится. И потом — я теперь мастер Золотого Ядра, как-никак. — Мо Ханьчи налил себе чай, сделал глоток и вышел за дверь. — Сяо Бай, идём.

Мальчик высунул голову из-за косяка — но Мо Ханьчи уже растворился в воздухе. Тогда он вспыхнул золотым светом и в следующий миг помчался следом — не мальчик уже, а молодой цилинь, охваченный золотым пламенем, с алыми глазами.

Учитель Хуан проводил их взглядом, подбросил кошель на ладони и довольно улыбнулся.

<http://bllate.org/book/17550/1714139>